

Научная статья
УДК 340.1

Стили толкования и теория судебного метода А. Росса в контексте практики российских судов

Мария Владимировна Савельева, кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург (198206, ул. Летчика Пилутова, д. 1), Российская Федерация
savelevamv@internet.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6322-48830>

Аннотация:

Введение. Теория толкования права сложна и многогранна. Есть мнение, что правовое обоснование является в большей степени искусством, нежели наукой, оставаясь при этом сердцевинной в правоприменительной юридической деятельности. Не сводимая лишь к оперированию правовыми текстами, она содержит в себе возможность интерпретирования, познания смысла текста путем формально-юридического толкования, возможности вынужденного выхода за пределы позитивного права.

Методы. Методологическая основа исследования представляет собой сочетание общенаучных и частнонаучных методов, обеспечивающих теоретическую и эмпирическую глубину анализа стилей судебного толкования и теории судебного метода А. Росса, а также возможностей их применения в российской судебной системе.

Результаты. Проведенный теоретический и эмпирический анализ позволил получить ряд результатов, раскрывающих специфику судебного толкования в России и степень применимости судебного метода А. Росса в современной российской правовой системе. Автор делает вывод, что доктрина общего судебного метода А. Росса не является адекватным дескриптивным инструментом для выявления действительной судебной интерпретации в России. Перспективы дальнейшего развития российской судебной методологии заключаются в совершенствовании собственной юридической догматики, способной теоретически осмыслить и оптимизировать сложившийся алгоритм судебной деятельности.

Ключевые слова:

стили судебной интерпретации, правовые стили, судебный метод, Альф Росс, судебное усмотрение, российская судебная практика, формально-догматический подход, теория права, толкование права, судебная аргументация, судебное толкование

Для цитирования:

Савельева М. В. Стили толкования и теория судебного метода А. Росса в контексте практики российских судов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 22–35.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025;
одобрена после рецензирования 12.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Styles of interpretation and A. Ross's theory of judicial method in the context of Russian court practice

Maria V. Savelieva, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation
savelevamv@internet.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6322-48830>

Abstract:

Introduction. The theory of law interpretation is complex and multidimensional. Some believe that legal reasoning is more of an art than a science, while remaining central to enforcement and legal practice. Not limited only to dealing with legal texts, it includes the possibility of interpretation, understanding the meaning of texts through formal legal analysis, and the possibility of going beyond positive law when necessary.

Methods. The methodological basis of the research combines general scientific and specific scientific methods, providing theoretical and empirical depth to the analysis of judicial interpretation styles and A. Ross's theory of judicial method, as well as the possibilities for their application in the Russian judicial system.

Keywords:

styles of judicial interpretation, legal styles, judicial method, Alf Ross, judicial discretion, Russian judicial practice, formal-dogmatic approach, theory of law, interpretation of law, judicial argumentation, judicial interpretation

Results. *The theoretical and empirical analysis provided a number of results revealing the specifics of judicial interpretation in Russia and the degree of applicability of A. Ross's judicial method in the modern Russian legal system. The author concludes that A. Ross's doctrine of general judicial method is not an adequate descriptive tool for identifying actual judicial interpretation in Russia. The prospects for the further development of Russian judicial methodology consist in improving Russia's own legal dogmatics, contributing to the theoretical conceptualisation and optimisation of the existing judicial procedure algorithm.*

For citation:

Savelieva D. B. Styles of interpretation and A. Ross's theory of judicial method in the context of Russian court practice // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 22–35.

The article was submitted November 10, 2025; approved after reviewing December 12, 2025; accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Обращение к понятию правового стиля как комплексного критерия для характеристики целостности правовой системы, выявления общего и особенного в различных правопорядках является общепринятым подходом в сравнительно-правовых исследованиях. Как подчеркивают К. Цвайгерт и Х. Кётц, определение правовых стилей составляет одну из ключевых задач для правоведов [1, с. 76]. В состав предложенных немецкими компаративистами критериев входят: 1) историческое происхождение и развитие правовой системы; 2) господствующая доктрина юридической мысли; 3) своеобразные правовые институты; 4) правовые источники и методы их толкования; 5) идеологические факторы. При этом именно четвертый элемент – правовые источники и методы толкования – выделяется авторами в качестве ключевого стилеобразующего фактора [1, с. 80]. Схожим образом канадская исследовательница К. Вальк определяет «правовой стиль» как коллективное выражение идентичности [2, с. 274].

В рамках этого методологического подхода значимое место занимает понятие «стиль судебной интерпретации»¹. Оно было введено в научный оборот ведущим представителем скандинавского правового реализма А. Россом [3, р. 141], хотя сам автор не предложил его четкого определения. Восполняя этот понятийный пробел, современный российский правовед Е. В. Тимошина предложила определять стиль судебного толкования как теоретический подход, рассмотренный в единстве с его философскими основаниями и институционально-политическими эффектами, которые он вызывает в правопорядке, будучи реализуемым судами с помощью характерных для каждого стиля интерпретационных аргументов [4, с. 30].

Следует отметить, что в российском правовом дискурсе проблема противопоставления стилей судебной интерпретации не получила широкого распространения и разрабатывается преимущественно сторонниками правового реализма [4–10], в то время как в зарубежной доктрине, прежде всего в англо-американской правовой системе и в праве скандинавских стран, проблема судебного правоприменения стала одной из ключевых.

Фиксация внимания правовых реалистов на проблеме правоприменения, а не на формулировании законодателем правил объясняется их подходом к пониманию права как результата деятельности судей и других правоприменителей.

Реалистический подход основывается на том, что судья в процессе аргументации апеллирует к реальности, лежащей за формальными границами позитивного права, и руководствуется «метаюридическими» соображениями морали, политики, экономической эффективности и целесообразности. Для юриспруденции в этом контексте, как справедливо отмечают Е. Н. Тонков и Д. Е. Тонков, особый интерес представляют дихотомии «права в книгах» (law in books) и «права в действии» (law in action), «бумажных норм» (paper rules) и «реальных норм» (real rules) [11, с. 10]. Реализм признает взаимовлияние права и социальных ценностей, что ведет к включению традиционно «внеправовых» факторов в область юридического анализа и рассматривает судебную власть как институт, занимающийся не «механическим» правоприменением, а примирением конфликтующих интересов путем нахождения баланса в разноуровневой иерархии ценностей с учетом моральных, экономических, политических критериев.

Исходя из этого, центральными для данного исследования становятся следующие вопросы: что представляют собой стили судебной интерпретации и общая доктрина судебного метода в концепции А. Росса, каковы перспективы их применения в российском правосудии?

Цель исследования заключается в методологической трактовке стилей судебной интерпретации и общей доктрины судебного метода А. Росса через критическое осмысление и оценку перспектив применения его идей в практике российских судов.

¹ В данной работе понятия «толкование» и «интерпретация» понимаются как синонимы.

Методы

В исследовании используется сбалансированная комбинация общенаучных (анализ, синтез, дедукция) и формально-юридического (догматического) анализа, построенного на понятийной проработке определений в юридических целях, а также теоретического познания с элементами эмпирического исследования, построенного на анализе документов (судебных решений) с целью выявления формальных оснований решений (ссылки на правовые нормы) и неявных, «прагматических» факторов (апелляция к разумности, справедливости, балансу интересов). В работе представлен критический дискурс-анализ как методологическая программа анализа дискурсивной практики и социальной практики, т. е. выявление того, как суды интерпретируют текст, а также интен-анализ, основанный на выявлении позиции А. Росса в зависимости от особенностей его письменной речи.

Результаты

1. Стили судебного толкования в концепции А. Росса

Стили судебного толкования являются предметом теории судебного метода Альфа Росса. В основу типологии стилей судебного толкования легли два независимых и взаимодополняющих критерия, позволяющих провести многомерный анализ судебной аргументации.

Первое основание классификации связано со степенью судебного усмотрения, официально признаваемой в правовой системе. А. Росс выделяет относительно свободный и ограниченный стили.

Принципиально важным является замечание А. Росса о том, что разграничение стилей в данном случае заключается не столько в реальной свободе судьи при интерпретации, сколько в том, насколько честно эта свобода признается в конкретной правовой системе.

Ограниченный стиль, исторически сложившийся в континентальном праве, преимущественно в Германии и Франции, базируется на предположении, согласно которому любое судебное решение может быть дедуцировано из текста правового акта посредством формально-логических операций и лингвистического анализа. Эта методология, известная как «юриспруденция понятий» (*Begriffsjurisprudenz*) или «механическая юриспруденция», минимизирует роль судейского усмотрения. В противоположность этому свободный стиль, часто ассоциируемый со школой «свободного права» (*Freirechtsschule*), предполагает, что судья в процессе толкования может и должен апеллировать к метаюридическим источникам, «черпая вдохновение из жизни, практических нужд и интересов» [3, p. 141]. Такой подход допускает прямое обращение к социальным целям и необходимости взвешивания конфликтующих интересов, которые также выступают как ориентиры для свободной интерпретации [3, p. 141].

Второе основание, предложенное А. Россом для классификации, заключается в характере и степени информации, отличной от сформулированных законодателем правил, которую судьи принимают во внимание. Исходя из этого критерия, А. Росс разграничивает субъективный и объективный стили толкования, которым соответствуют одноименные теоретические конструкции. Ученый подчеркивает, что данное различие не совпадает с предыдущим: если дихотомия «свободный и ограниченный» характеризует степень судейской рефлексии на результат толкования, то оппозиция «субъективный и объективный» описывает метод установления содержания интерпретируемой нормы.

А. Росс подвергает критике традиционное для правовой доктрины разделение на субъективную теорию (цель которой – выявление «воли законодателя») и объективную теорию (нацеленную на установление «воли закона»), оценивая его как «ложное». С точки зрения А. Росса, спор о том, является ли источником обязательности права «воля» или «текст», носит метафизический характер и не имеет эмпирического разрешения. Реальное же различие между этими подходами имеет сугубо инструментальный характер и сводится к вопросу о том, какая интерпретационная информация признается релевантной. Субъективный стиль интерпретации предполагает активное использование материалов «законодательной истории» в качестве инструмента для реконструкции социального назначения закона, что в свою очередь проливает свет на определенные аспекты его смысла [3, p. 156–157].

Абсолютно объективная интерпретация, по мнению А. Росса, основанная исключительно на формулировках законодателя, недостижима. На отношение судьи к закону влияет множество факторов: это и смысловые нагрузки воспринимаемого судьей текста, и осмысление текста закона как инструмента политического и экономического управления, основанного на конфликтующих интересах и нацеленного на решение определенных социальных задач [3, p. 142].

Анализируя объективный стиль, датский ученый фиксирует фундаментальный парадокс: «Объективная интерпретация является более субъективной, чем „субъективная”»².

Логика этого парадокса раскрывается в следующем: объективная интерпретация, сознательно отказываясь от привлечения интерпретационной информации, например, такой как «законодательная история» или намерения (цель) законодателя, и фокусируясь исключительно на тексте закона, неизбежно сталкивается с повышенной семантической неопределенностью. Эта неопределенность текста, лишённого уточняющего исторического контекста, создает широкое поле для маневра и, как следствие, может привести к гораздо более неопределённым результатам, чем субъективная интерпретация. Таким образом, стремление к максимальной текстуальной объективности на практике оборачивается большей субъективностью процесса принятия судебного решения.

Данная типология стилей толкования служит у А. Росса необходимой теоретической основой для последующего эмпирического исследования судебного метода, направленного на выявление действенного права, которое не может быть рассмотрено в отрыве от субъектов, как некое объективное свойство права, никак не связанное с деятельностью сознания и поведения людей.

2. Теоретико-методологические основы судебного метода А. Росса

Термин «судебный метод» А. Росс вводит в рамках теоретического осмысления судебной методологии, тесно связанной с проблемой «действительности права» (valid law). Будучи учеником Г. Кельзена, А. Росс не признает неокантианскую теорию основной нормы как имеющую морально-метафизический смысл обоснования действенности правовой системы [12, с. 97]. В таком истолковании, пишет А. Росс, валидность оказывается априорной идеей, которая не сводима к эмпирическим терминам, определенным через доступные наблюдению факты, и ей нет места в теории права, основанной на принципах эмпиризма [13, с. 460]. Датский правовед критиковал нормативизм Г. Кельзена за отрыв от реальности, за неспособность объяснить правовую действительность – «действительность», которая, по мнению А. Росса, состоит в объяснении социальных и психологических явлений, которые доступны наблюдению и отражаются в нормативных положениях. Право, утверждает А. Росс, полемизируя с Г. Кельзеном, это не совокупность положений или доктрин, а юридический феномен в смысле целостной связанности поведенческих установок и рационализированных формулировок, в которых они находят свое выражение [14]. Действительность права, пишет А. Росс, можно проверить только обратившись ко всей правовой системе, совокупности частного и публичного права. Проверка действительности права состоит в использовании целостной правовой системы в качестве схемы для толкования социальной реальности, что позволяет понять поведение судей [3, р. 36–37].

А. Росс, разрабатывая доктрину судебного метода, пытается разрешить основную проблему правового реализма – непредсказуемость судебного решения («возможность предсказания будущих судебных решений» [3, р. 136]) при неопределенности норм и фактов. Разрабатывая общую теорию и доктрину судебного метода, утверждает петербургская исследовательница Н. С. Васильева, А. Росс ставит перед собой аналитико-дескриптивную задачу – разработать общую теорию и доктрину судебного метода и в их рамках дать эмпирическое описание судебного метода, т. е. того, как интерпретация происходит на практике³. Под «судебным методом» А. Росс понимает деятельность судов при переходе от общей правовой нормы к конкретному решению [3, р. 109]. Деятельность судов, направленную на анализ судебной практики, выявление принципов и правил, определяющих переход от общей нормы к конкретному решению, при сформулированном праве или статуте, ученый называет «интерпретацией» [3, р. 109]. А. Росс обращает внимание, что традиционно под «интерпретацией» понимается весь процесс принятия решения судьей, включая критическую оценку с позиции представления о социальных ценностях, выходящую за рамки закона. Такое употребление слова «интерпретация», по мнению А. Росса, позволяет нивелировать творческую функцию судьи и сохранить видимость, что судья является исключительно «устаами» закона. Судья открыто не признает, что отступает от буквы закона, используя сложившиеся в рамках правоприменительной практики аргументационные техники, он создает впечатление, что его решение является логичным и правильным [3, р. 139].

² Стратегии судебного толкования и принципы права : учебное пособие / Тимошина Е. В., Васильева Н. С., Краевский А. А., Кондуров В. Е. [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Тимошиной. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. С. 100–101.

³ Васильева Н. С. Проблема действительности права в правовой концепции Альфа Росса: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. С. 206.

А. Росс утверждает, что для каждой правовой системы характерен свой судебный метод, который не может быть универсальным. Судебный метод, по мнению ученого, имеет общетеоретические и юридико-доктринальные основания. Методы, используемые в конкретной правовой системе, изучает правовая доктрина. Общетеоретической задачей методологии, считает ученый, является: 1) объяснение определенных фактических предпосылок, проблем метода и 2) подведение под общую типологию различных стилей толкования, существующих в реальной практике [3, p. 110].

В зависимости от правовой системы проблемы судебного метода (интерпретации), с которыми сталкиваются правоприменители, различны. Так, например, для англо-американской правовой системы, в которой судья часто не сталкивается с готовой правовой формулировкой общего правила поведения, при отсутствии сформированной доктрины возникает проблема правовой аргументации, связанная с выявлением сходств и различий между правовыми случаями и обоснованием их релевантности или нерелевантности по отношению к юридическому казусу.

В правовой системе, где основным источником права является нормативный правовой акт, судья сталкивается с необходимостью интерпретации «авторитетного» текста. Техника аргументации направлена на выявление смысла закона и обоснование того, охватывают ли фактические обстоятельства положения, указанные в правовом акте, или нет. Последняя модель судебного метода характерна для континентальных правовых систем и подробно рассматривается А. Россом [3, p. 111].

Правовед полагает возможным определить в результате эмпирического исследования текста судебных решений, какими поведенческими нормами руководствуются судьи при вынесении резолютивных индивидуальных решений. Невозможно игнорировать психологическую и социальную реальность, как постоянно пытается сделать Г. Кельзен в своем определении позитивного права [14].

Судебное толкование, по мнению А. Росса, это всегда дискреционная деятельность: не акт познания, а акт воли и решения [3, p. 139]. А. Росс разделяет проблемы судебного метода (интерпретации), связанные непосредственно с семантической основой нормативного интерпретируемого текста (синтаксические, логические, семантические), и прагматические факторы, обусловленные соображениями «здорового смысла» [3, p. 142]. Кроме простых прагматических фактов, связанных со «здравым смыслом», А. Росс выделяет «высшие» прагматические факторы, которые выступают как рассуждения о последствиях интерпретации, тщательно оцененные и взвешенные взаимно в свете относительно фундаментальных ценностей [3, p. 146].

С точки зрения ученого, прагматическое толкование может учитывать не только предсказуемые эффекты, но и техническую точность толкования, и его гармонию с правовой системой и культурными идеями, на которых построена правовая система. Поэтому, подчеркивает А. Росс, прагматическое толкование нельзя отождествлять с телеологическим толкованием, поскольку последнее слишком ограничено [3, p. 146]. Прагматическое толкование – это интеграция множественности оценок, а закону (нормативному правовому акту) часто невозможно приписать какое-либо назначение или цель; закон указывает на единственное соображение в рамках этой множественности.

Если и заменять термин «прагматическое толкование» телеологическим, то только с разъяснениями, что *telos* обозначает не отдельный закон, а *pars pro toto*, отсылает ко всем соображениям, которые могут быть применены [3, p. 148].

А. Росс определяет прагматическое толкование как способ расширить, ограничить или уточнить смысл нормативного текста («директивы»), предполагаемый «естественным лингвистическим значением» текста.

А. Росс полагает, что результат судебного решения зависит не только от «когнитивной интерпретации правовой нормы, но и от оценочной позиции правосознания правоприменителя» [3, p. 139].

Представитель скандинавского правового реализма полагает, что у судьи есть возможность выбора альтернатив, равным образом допускаемых семантикой текста, значение которого рассматривается как принципиально познаваемое, и допускаемой когнитивной функцией толкования [3, p. 148–149].

Судебная интерпретация, убежден ученый, не есть исключительно рациональная деятельность. За решением судьи, подчеркивает А. Росс, всегда «стоит вся его личность» [3, p. 155].

Отправление правосудия, постулирует А. Росс, – это не просто интеллектуальная деятельность, «оно укоренено во всей полноте личности судьи, в его формальном [институциональном] и материальном [моральном] правосознании» [3, p. 128].

Таким образом, А. Росс в рамках дескриптивной доктрины судебного метода предлагает дать эмпирическое описание судебного метода, того, как интерпретация происходит на практике. Мы должны, пишет А. Росс, проанализировать практику судов и попытаться обнаружить принципы и правила, которые фактически направляют суды при переходе от общего правила к конкретному решению. Эта деятельность называется судебным методом или, в случае применения закона, интерпретацией [3, p. 109]. Ученый замечает, что предметом изучения доктрины судебного метода является идеология судебного метода, точнее, стиль метода или стиль интерпретации, при том, что определенность утверждений относительно действительной интерпретации очень низка [3, p. 109].

А. Росс утверждает, что интерпретация не имеет независимой лингвистической отправной точки, она всегда обусловлена «прагматическими» соображениями, как минимум соображениями «здравого смысла», кроме того, существуют более «высокие» прагматические факторы, которые связаны с тщательно продуманными суждениями о последствиях интерпретации, оцененных и взвешенных относительно друг друга в свете фундаментальных ценностей [3, p. 101].

Процесс толкования, по мнению А. Росса, является практическим действием, включающим в себя волевой аспект. Семантическая неопределенность интерпретируемого текста и связанная с ней ограниченность когнитивной функции толкования вынуждают судью использовать прагматические факторы, влияющие на принятие решения.

Один из основных постулатов датского ученого А. Росса состоит в том, что правовые решения требуют не только нормативного, но и эмпирического обоснования. Однако особенности континентальной правовой системы и даже англо-американской правовой системы в условиях интеграции и взаимодействия не позволяют в полной мере исключить «юридический формализм» и нормативность юридических правил. Законы в континентальной правовой системе являются стандартами или моделями должного развития общественных отношений.

Теория судебного метода А. Росса была подвергнута критике. Аргентинский философ права Е. В. Булыгин назвал «важным шагом» то, что А. Росс предлагает анализ «фактологической действительности» нормы с точки зрения будущих судебных решений и предложил свое альтернативное толкование идеи А. Росса, в соответствии с которым действительность рассматривается не как прогноз будущих решений, а как диспозиционное свойство норм [15, с. 215]. Свен Энг, отмечая особенности концепции А. Росса, указал, что и Г. Харт, и А. Росс, и скандинавские реалисты основываются на одном и том же принципе: нормативность имеет основу в реальности, эта основа является эмпирическим фактом, а именно – психологическим [16, p. 240]. Итальянский правовед Р. Гуастини, критикуя судебный метод А. Росса, не соглашается с тезисом датского правоведа о том, что действительность можно проверить, только обратившись ко всей правовой системе в целом – к совокупности частного и публичного права. Нормы гражданского и уголовного права, пишет Р. Гуастини, адресованы, в конечном счете, судьям, однако нельзя сказать, что все нормы конституционного права также адресованы им [17, p. 13].

Применительно к российской правовой системе, в которой традиционно доминирует принцип верховенства закона и важная роль отводится нормативным правовым актам, критика также находит свое отражение. Российская судебная практика ориентирована на установление воли законодателя, закрепленной в нормативных правовых актах. Любое правовое решение, независимо от его социальной обусловленности, оценивается с позиции соответствия закону, а целью толкования является выявление буквального и действительного смысла правовой нормы. Таким образом, никакие социальные и психологические факторы сами по себе не позволяют дать адекватное научное объяснение правового явления; они могут рассматриваться лишь как дополнение, но не как достаточное основание для легитимного применения права в отрыве от его нормативной основы.

Кроме этого, судебный метод А. Росса игнорирует роль ученых-юристов в создании не только директив, но, главным образом, конструировании понятий, которые формируют образ мышления судей и иных правоприменительных органов.

Логично было бы включить в теорию судебного метода А. Росса «правовые принципы», которые оцениваются по степени значимости при принятии решения судьей. Это позволит сохранить нормативность правовых правил и определить ценностно-ориентированный подход судей. Выделяя в судебном методе проблему «прагматических факторов», А. Росс не определил критерии этих факторов, а лишь обозначил, что они понимаются «шире» телеологического толкования. Влияние прагматических факторов не исключает применения логической аргументации и формализма в процессе обоснования в мотивировочной части содержания окончательных выводов суда и его правовой позиции. Такая процедура является неотъемлемой частью любого судебного процесса, и нарушение ее влечет отмену судебного решения. Доктрина судебного метода А. Росса не учитывает возможности влияния обязательных к исполнению правовых

позиций конституционных и верховных судов, которые по существу конкретизируют положения законов. На наш взгляд, разработанная А. Россом доктрина общего судебного метода связана именно с необходимостью исследования поведения правоприменителей, которое лучшим образом подходит для верификации утверждений о действенном праве в рамках доктринального исследования. Ключевым вопросом становится возможность применения доктрины судебного метода в различных правовых системах. Для оценки практической значимости общей доктрины судебного метода А. Росса предлагаем обратиться к анализу практики российских судов, чтобы определить, позволяет ли данный метод выявить в их деятельности внутренне непротиворечивую систему фактически используемых правил при разрешении дел и насколько она сопоставима с моделью, предполагаемой судебным методом А. Росса.

3. Судебный метод в практике российских судов

Доктрина судебного метода тесно связана с методологией судебного толкования, проблемой судебного правотворчества и судебного усмотрения. Разработанные догматической юриспруденцией определенные алгоритмы решения судебных споров, составляющие содержание судебного метода, практикуются юристами по сей день. Решение должно нормативно обосновывать квалификацию поведения субъекта в качестве разрешенного, обязательного или запрещенного в соответствии с нормативной системой. Судья при вынесении обоснованного решения должен действовать по определенному алгоритму, а не принимать решения иррационально.

Судебный метод предполагает юридическую квалификацию – сопоставление предусмотренных нормой фактов и верифицированных в судебном процессе социальных фактов; применяемые к конкретному случаю нормы подлежат толкованию, их смысл должен быть уяснен с помощью правил, выработанных правовой догматикой (правовой доктриной).

Разработанная А. Россом доктрина судебного метода предполагает анализ судебной практики с целью выявления приемов, способов или правил, фактически определяющих переход от общей нормы к конкретному решению, а также выявление «прагматических факторов», влияющих на решение суда.

Попробуем теперь разобраться, какими «прагматическими факторами» руководствуются российские судьи, принимая решения? Как происходит процесс толкования в практике российских судов?

Из всего массива судебных решений следует отобрать те, которые наиболее ярко отражают подход скандинавского реалиста А. Росса. Такие решения, как правило, являются «сложными», содержат развернутую мотивировочную часть, а также демонстрируют отступление от буквального толкования закона, используя телеологическое или систематическое толкование. Для анализа мы отобрали решения судов первой инстанции по делам о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, вынесенные с 2015 по 2021 год в различных субъектах Российской Федерации. В данных решениях представлен ценностно-ориентированный подход при разрешении споров, связанных с восстановлением прав личности в контексте публично-правовых (государственных) интересов [18], здесь проявляются «прагматичные факторы», которые описывает скандинавский ученый в общей доктрине судебного метода.

Мы придерживаемся высказанного ранее мнения о том, что решения вышестоящих судов более открыты для исследования, поскольку в решениях судов первой инстанции мотивировочная часть часто является излишне лаконичной и не отражает полноценного процесса судебного рассуждения, и доктрина судебного метода А. Росса, будучи направленной на выявление правил перехода от общей правовой нормы к решению, в меньшей степени применима к этому уровню судебной системы, где правоприменительная деятельность в значительной степени детерминирована обязательными правовыми позициями вышестоящих судебных инстанций. Также частичному анализу будут подвергнуты решения судов первых инстанций и судов апелляционных инстанций по этим же делам с целью выявления «прагматических факторов»: социологических, экономических и политических, которые могут повлиять на судебное решение и (или) его отмену вышестоящим судом. Будут проанализированы решения вышестоящих российских судов, в которых сделаны отступления от буквального толкования и применяется телеологическое и системное толкование.

Распределим массив судебных решений по группам: решения судов первой инстанции, решения судов апелляционной инстанции в связи с вынесенными решениями первой инстанции по этим же делам, решения судов кассационной инстанции, решения Верховного Суда Российской Федерации.

А. Решения судов первой инстанции Российской Федерации по делам о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов. В процессе исследования было проанализировано 450 судебных решений, вынесенных с 2015 по 2021 год в различных субъектах Российской Федерации, включая республики Адыгея, Бурятия, Калмыкия, Крым, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Алтайский, Забайкальский, Краснодарский, Красноярский, Пермский и Ставропольский края, Амурскую, Архангельскую, Астраханскую, Брянскую, Вологодскую, Ивановскую, Иркутскую, Кировскую, Курганскую, Московскую, Нижегородскую, Новгородскую, Омскую, Сахалинскую, Свердловскую, Тульскую, Тюменскую, Ульяновскую и Ярославскую области, города федерального значения Москву и Санкт-Петербург, Еврейскую автономную область и Чукотский автономный округ. Во всех решениях суды ссылаются на принципы разумности и справедливости. Однако сложность данных дел заключается в балансе интересов между интересами личности в полном возмещении вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, и публично-правовой ответственности государства.

В проанализированных нами решениях первых инстанций проявляются следующие общие тенденции при вынесении решений:

1. Все суды единообразно признают обязанность государства возместить вред потерпевшему. Сам факт реабилитации признается достаточным основанием для компенсации морального вреда, который презюмируется и не требует доказывания [19].

2. Суды повсеместно удовлетворяют иски лишь частично, указывая, что моральный вред не может быть точно оценен в деньгах.

3. Суды требуют неукоснительного соблюдения оснований для компенсации и правил подсудности.

4. Суды прямо ссылаются на необходимость баланса между интересами реабилитированного и интересами общества, поскольку выплаты производятся из казны, формируемой за счет налогов.

Ключевым фактором, определяющим размер компенсации морального вреда, является наличие и характер мер уголовно-процессуального принуждения, а также обстоятельства, позволяющие суду применить принцип соразмерности для снижения суммы.

Проанализировав решения судов первой инстанции, можно сделать предварительный вывод о том, что доктрина судебного метода А. Росса является эвристически ценной аналитической рамкой для изучения практики российских судов, однако ее прямое применение сталкивается с системными ограничениями и указывает на необходимость ее адаптации с учетом специфики национальной правовой культуры.

С одной стороны, формально суды последовательно придерживаются ограниченного стиля интерпретации, основанного на буквальном толковании норм и строгом соблюдении процедурных требований. С другой стороны, фактическое содержание решений, особенно в части определения размера компенсации, свидетельствует о скрытом использовании элементов свободного усмотрения, где судьи руководствуются прагматическими соображениями баланса частных и публичных интересов.

Таким образом, российская правоприменительная практика демонстрирует синтез формально-догматического подхода с реалистическими элементами, что в целом соответствует теоретическому предсказанию А. Росса о неизбежности прагматических факторов в судебной интерпретации. Однако в отличие от модели, предполагаемой скандинавским реалистом, это влияние осуществляется не открыто, а имплицитно – через оценочные категории разумности и справедливости, что позволяет сохранить видимость следования традиционной модели толкования.

Б. Решения судов апелляционной инстанции Российской Федерации по делам о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов. В процессе исследования были проанализированы решения судов апелляционной инстанции Архангельской, Брянской, Вологодской, Ивановской, Иркутской, Кировской, Курганской, Московской, Нижегородской области, Новгородской области, Омской, Сахалинской, Свердловской, Тульской, Тюменской, Ульяновской и Ярославской областей, городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа.

Суды отменяют и изменяют решения нижестоящих инстанций, мотивируя свои решения принципами соразмерности и разумности, а также руководствуясь законодательством Российской Федерации и постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»⁴, от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»⁵.

Проведенный анализ решений апелляционных судов Российской Федерации по делам о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями государственных органов, приводит к выводу, что в судебной модели доминирует принцип соразмерности и баланса публичных и частных интересов, а принцип правовой определенности зависит от территориальных особенностей регионов.

В. Решения кассационных судов Российской Федерации рассмотрим на примере арбитражных кассационных судов. Например, постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 мая 2024 г. № Ф04-1696/2024 по делу № А45-23871/2023 после установления фактических обстоятельств дела, ссылаясь на разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах»⁶, суд определил «приоритет телеологического (целевого) толкования норм права над грамматическим (буквальным) толкованием» и подтвердил «судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации...»⁷.

«Толкуя приведенное в совокупности нормативное регулирование телеологическим (целевым) способом, суд округа полагает необходимым понимать гипотезу содержащейся <...> нормы расширительно, имея в виду допустимость <...> не только в ситуации технической невозможности, но и явной экономической нецелесообразности»⁸.

Основываясь на общей норме, а также разъяснении вышестоящих судов и судебной практике, суд определяет приоритет телеологического толкования над буквальным. Сохраняя традиционную терминологию, выработанную юридической догматикой, суд рассуждает о необходимости расширительного толкования гипотезы по сравнению со сформулированной в тексте правового акта фразой «подключение (технологическое присоединение) объекта»⁹, и устанавливает распространение правовой нормы «не только в ситуации технической невозможности, но и явной экономической нецелесообразности»¹⁰.

«Экономическая целесообразность» является оценочным суждением, продиктованным собственным опытом субъекта, принимающего решение. В приведенном примере просматривается не только деятельность суда, направленная на понимание семантической основы интерпретируемого нормативного правового текста, но и прослеживается описанное А. Россом применение «здорового смысла» в качестве прагматического фактора.

Другой пример, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа, рассматривающего спор о признании недействительным муниципальных контрактов: «Толкуя приведенное в совокупности нормативное регулирование телеологическим (целевым) способом, суд кассационной инстанции приходит к выводу о том, что, исходя из цели и смысла законодательного регулирования, направленного на предотвращение конфликта интересов между участниками конкурентной процедуры, заключенные между Учреждением и предпринимателем контракты являются ничтожными сделками по п. 2 ст. 168 ГК РФ, поскольку между контролирующими лицами заказчика и подрядчика на момент совершения сделки имелся конфликт

⁴ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 (ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 1.

⁵ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 05.03.2013) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12.

⁶ О свободе договора и ее пределах : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5.

⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 мая 2024 г. № Ф04-1696/2024 по делу № А45-23871/2023 // Электронный архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции (Sudrf.cntd.ru) : [сайт]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/documents?id=7808> (дата обращения: 27.08.2025).

⁸ Там же.

⁹ Статья 48 постановления Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2021 г. № 1547 (См.: Об утверждении Правил подключения (технологического присоединения) газоиспользующего оборудования и объектов капитального строительства к сетям газораспределения и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2021 г. № 1547 (ред. от 17.09.2024) // СЗ РФ. 2021. № 38. Ст. 6641.

¹⁰ URL: <https://sudrf.cntd.ru/documents?id=7808> (дата обращения: 27.08.2025).

интересов ввиду наличия между ними отношений свойства...»¹¹. В представленном судебном решении суд также толкует телеологическим способом. Установив между субъектами правоотношений родственные связи на момент совершения сделки, суд применил телеологический способ толкования для выяснения истинных намерений сторон, руководствуясь принципом законности и принципом целесообразности, направленных на «предотвращение конфликта интересов». В приведенном судебном решении не усматривается причинная связь между фактическими ситуациями и реальным судебным решением без апелляции к нормативно-правовым основаниям. Не усматриваются рассуждения о последствиях интерпретации и не находят своего отражения в решении взаимооцененные прагматические факторы и фундаментальные ценности.

Тексты представленных правоприменительных актов кассационных инстанций арбитражных судов Российской Федерации подтверждают наличие судебного метода, разработанного догматической наукой. В них также прослеживается процесс интерпретации судами правовых норм и аргументации принятого решения на основе известных устойчивых связей различных норм, входящих в систему российской правовой системы, а также критической оценки судебных решений нижестоящих судов.

Суды, основываясь на рекомендациях вышестоящих судов, в случаях конкуренции между буквальным и телеологическим толкованием делают выбор в сторону последнего. При этом телеологическое толкование понимается не в смысле одного нормативного правового акта, отсылка делается на весь законодательный массив нормативных правовых актов, регулирующих спорные правоотношения, а также на позиции вышестоящих судов.

Г. Решения Верховного Суда Российской Федерации разъясняют вопросы судебной практики. Условно их можно разделить на четыре группы:

- определения, принимаемые при рассмотрении конкретных дел в кассационном порядке;
- постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации;
- постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации;
- также стоит выделить рекомендации Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Первым проанализируем определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2022 г. № 305-ЭС 22-4103¹². Вкратце напомним, что положение абз. 6 п. 2 ст. 20.2 и ст. 24.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹³ обязывает арбитражных управляющих заключать договор обязательного страхования своей ответственности. Отсутствие такого договора является основанием для отстранения управляющего от возложенных на него обязанностей. В рассматриваемом правовом конфликте конкурсный кредитор должника обратился в суд с заявлением об отстранении действующего арбитражного управляющего в связи с отсутствием у него договора страхования профессиональной ответственности. Суд при разрешении конфликта отметил, что возможны ситуации, в которых страховая организация отказывает в заключении договоров с управляющими не в связи с их личностями, а в связи с объективными факторами, такими как экономический кризис и др. Суд прямо указывает на то, что в такой ситуации положения закона не могут толковаться «формально», потому что:

1) «само по себе отстранение одного управляющего и назначение нового не разрешит возникающую в рамках настоящего дела спорную ситуацию, поскольку новый управляющий будет также лишен возможности заключить договор с достаточным размером страхового покрытия»¹⁴;

2) «отсутствие договора дополнительного страхования ответственности на всю сумму, требуемую законом, не может являться основанием для отстранения добросовестного арбитражного управляющего, если он принял все зависящие от него меры для заключения такого договора и полученные отказы страховщиков не обусловлены его личностью»¹⁵.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 апреля 2023 г. № Ф07-12345/23 по делу № А56-12345/2022 // Официальный сайт Арбитражного суда Северо-Западного округа. URL: <http://fasszo.arbitr.ru/> (дата обращения: 27.08.2025).

¹² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2022 г. № 305-ЭС22-4103 по делу № А40-310946/2019 // Правовой сервер КонсультантПлюс : [сетевое издание]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724607#ER4ky7VnMzwsHeHM> (дата обращения: 27.08.2025).

¹³ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

¹⁴ URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=724607#ER4ky7VnMzwsHeHM> (дата обращения: 27.08.2025).

¹⁵ Там же.

Приведенный пример демонстрирует ситуацию, в которой суд, столкнувшись с явным несоответствием нормы, закрепленной в правовом акте, телеологическому содержанию, не учитывающему конкретного случая, при котором применение нормы противоречило бы самой цели и не отвечало бы требованиям разумности и справедливости, допускает отхождение от предписанного императивного правила.

Способность принимать высшими судами решения по принципу *contra legem* – прямое и неизбежное следствие существования независимого суда [19, с. 49], которое является предпосылкой для представления высших судов как суверенов правотворчества, оказывающих влияние на российскую правовую систему [20, с. 3]. В то же время прослеживается применение судебного метода при вынесении решения от общих норм к казусу и в обосновании решения, исходя из принципов «разумности и справедливости». Данные принципы являются метаюридическими основаниями, входящими в противоречие с основным принципом законности, однако можно говорить о принципе разумности и принципе справедливости в рамках законности. Здесь мы видим прямое противопоставление принципа строгой законности правовым ценностям, каковыми являются усмотрение суда и судебное правотворчество. Доктрина судебного метода, в трактовке А. Росса, отражается в виде «прагматических факторов» при телеологическом толковании правовых норм.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 раскрывается принцип добросовестности, который дает свободу толкования и судебного усмотрения судам при вынесении решений. «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота <...>. Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались <...>. Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или не наступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ)»¹⁶. В рассматриваемом постановлении суд разъясняет алгоритм действий суда при усмотрении недобросовестного поведения одной из сторон. Верховный Суд Российской Федерации устанавливает порядок действий судов при принятии судебного решения с учетом причинных связей между фактическими ситуациями и реальными судебными решениями. Судам рекомендуется основывать свое решение на интерпретации поведения сторон. Здесь используются моральные, социальные, психологические факторы, неразрывно связанные с правосознанием судьи, однако не исключается логическая аргументация и формализм в мотивировочной части судебного решения.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹⁷ рекомендуется при определении размера такой компенсации «в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав. При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении». Пленум разъясняет алгоритм вынесения решения судами, и устанавливает ценностные политико-этические ориентиры, не раскрывая их содержания: разумно-

¹⁶ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

¹⁷ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.

сти и справедливости, соразмерности. Появляется аксиологическая ценностная иерархия, при которой судья должен сопоставить конфликтующие принципы в конкретном случае и признать одни принципы более «весомыми» по отношению к другим.

При Верховном Суде Российской Федерации (далее – ВС РФ) действует Научно-консультативный совет, основной задачей которого является разработка научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики. Анализ источников в интернете не выявил в открытом доступе рекомендаций указанного совета, который выработал рекомендации, описывающие порядок принятия индивидуальных решений на основе общих норм по определенному алгоритму. Исследовать рекомендации не представляется возможным.

Проведенный анализ судебной практики различных судебных инстанций Российской Федерации позволяет сделать вывод об ограниченной и опосредованной применимости доктрины судебного метода Альфа Росса в качестве инструментария для российской правовой системы. Хотя отдельные элементы, описанные скандинавским реалистом, в практике российских судов присутствуют, они не носят системообразующего характера и всегда подчинены доминирующей догматической модели разрешения судебных споров по определенным алгоритмам, разработанной в конце XIX века.

С одной стороны, в решениях, особенно высших судов, прослеживается использование «прагматических факторов», когда суды, сталкиваясь с пробелами или явным несоответствием закона его цели, прибегают к телеологическому толкованию и апеллируют к принципам справедливости, разумности и добросовестности. Это свидетельствует о скрытом, имплицитном судебном усмотрении, которое реализуется через оценочные категории, что отчасти соответствует предсказанию А. Росса о неизбежности неформализованных соображений в судебном процессе.

С другой стороны, российская правовая культура и институциональное устройство судебной системы создают системные ограничения для прямого применения модели А. Росса. Ключевыми отличительными чертами российского судебного метода являются:

1. Строгий нормативный каркас. Решения выносятся в рамках жесткого алгоритма юридической квалификации и с обязательной опорой на текстуальные источники права.

2. Иерархический детерминизм. Деятельность судов, особенно нижестоящих инстанций, в значительной степени детерминирована обязательными правовыми позициями и разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, что минимизирует пространство для индивидуального судебного усмотрения для российской правовой системы.

3. Нормативное обоснование усмотрения. Даже в случаях отхода от буквального смысла закона (например, по принципу *contra legem*) суды апеллируют не к внеправовым социальным или психологическим мотивам, а к высшим правовым принципам, уже интегрированным в правовую систему. Таким образом, усмотрение не противопоставляется законности, а реализуется в ее рамках.

Следовательно, доктрина судебного метода А. Росса, акцентирующая внимание на эмпирическом выявлении скрытых, в т. ч. иррациональных, мотивов судей, служит ценной эвристической рамкой для критического анализа и выявления латентных процессов в российском правоприменении. Однако она не может быть напрямую применена в качестве описания модели российского правосудия, которая в целом тяготеет к формально-догматическому идеалу, обеспечивающему верховенство закона и правовую определенность.

3 Заключение

Проведенное исследование стилей судебной интерпретации и доктрины судебного метода А. Росса в контексте правоприменительной деятельности российских судов позволило определить, что доктрина судебного метода А. Росса предлагает ценный аналитический инструмент для понимания алгоритмизации судебных решений в процессе правоприменения. Разработанная А. Россом типология стилей интерпретации, основанная на дихотомиях «свободный – ограниченный» и «субъективный – объективный», помогает обнаружить противоречия, присущие любой судебной деятельности. Доктрина судебного метода А. Росса, направленная на эмпирическое выявление правил, фактически используемых судами при переходе от общей нормы к конкретному решению, представляет собой последовательную попытку преодолеть формализм традиционной догматики и объяснить право как социальный и поведенческий феномен.

Центральная идея судебной доктрины А. Росса заключается в эмпирическом выявлении реальных – часто скрытых за юридической аргументацией – «прагматических факторов» (социальных, экономических, политических, психологических), которые определяют переход

судьи от общей нормы к конкретному решению. Анализ типологии стилей интерпретации А. Росса и его концепции «прагматического толкования» демонстрирует ее ориентированность на раскрытие субъективного и аксиологического характера правоприменения.

Основной тезис А. Росса о том, что судебное решение обусловлено не только нормативными предписаниями, но и всей полнотой личности судьи, его правосознанием и «прагматическими факторами», остается актуальным вызовом для классических представлений о «механическом» применении права.

Несмотря на утверждение А. Росса о том, что каждая правовая система вырабатывает свой уникальный судебный метод, предложенная им универсальная доктрина, основанная на лингвосемантическом анализе и «прагматических факторах», демонстрирует ограниченную применимость в условиях российской правовой системы. Критический анализ теории А. Росса позволил выявить ее пробелы: игнорирование нормативной силы правовых принципов, отсутствие четких критериев определения «прагматических факторов», отрицание значения обязательных правовых позиций высших судебных инстанций, а также противопоставление «эмпирического обоснования» нормативной природе права.

Эмпирическая проверка применимости этой доктрины к практике российских судов выявила ее ограниченный опосредованный характер. Российское правосудие демонстрирует устойчивую приверженность формально-догматической модели, в которой доминируют принцип верховенства закона, иерархическая подчиненность судебных инстанций и нормативная обоснованность решений. В отличие от модели Росса, где «прагматические факторы» могут открыто определять исход дела, в российской практике они, как правило, имплицитно встроены в систему через оценочные категории («разумность», «справедливость», «добросовестность») и применяются в строгих рамках, заданных правовыми позициями высших судов.

Предлагаемый А. Россом подход судебной интерпретации не может быть напрямую заимствован в качестве дескриптивного инструмента позволяющего выявить действительную судебную интерпретацию в России. Перспективы дальнейшего развития российской судебной методологии заключаются в совершенствовании собственной юридической догматики, способной теоретически осмыслить и оптимизировать сложившийся алгоритм судебной деятельности.

Список источников

1. Цвайгерт К., Кёнтц Х. Сравнительное частное право : в 2 т. / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. Москва : Международные отношения, 2011. 726 с.
2. Valcke C. Comparing Legal Styles // International Journal of Law in Context. 2019. Vol. 15, № 3. P. 274–296. <https://doi.org/10.1017/S1744552319000284>
3. Ross A. On Law and Justice. Berkeley, Los Angeles : University of California, 1959. 383 p.
4. Тимошина Е. В. Стратегии судебного толкования и культурная миссия юриспруденции // Толкование права: классика и постклассика : коллективная монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2024. С. 28–61.
5. Антонов М. В. Современная теория права во Франции: реалистический подход к праву в концепции Мишеля Тропера и спор о неореализме в толковании // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 321–345.
6. Тимошина Е. В., Васильева Н. С. Общая теория судебного метода и стили судебной интерпретации в правовой концепции А. Росса // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 4 (56). С. 113–128.
7. Слеженков В. В. Теоретическая модель судебного правотворчества в контексте современного французского правового реализма // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 1 (22). С. 130–134.
8. Тонков Е. Н. Юридическая герменевтика и практические подходы к толкованию права // Юридическая герменевтика в XXI веке / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. Санкт-Петербург : Алетей, 2016. С. 11–39.
9. Тонков Д. Е. Детская иллюзия правовой определенности в психологии права Джерома Фрэнка // История государства и права. 2021. № 3. С. 38–44. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-3-38-44>
10. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. Москва, 2011. 308 с.
11. Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм : монография / Е. Н. Тонков, Д. Е. Тонков. Санкт-Петербург : Алетей, 2022. 464 с.
12. Краевский А. А. Чистое учение о праве и современный юридический позитивизм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2. С. 88–125.
13. Росс А. Валидность и конфликт между правовым позитивизмом и естественным правом // Российский ежегодник теории права. / редкол.: А. В. Поляков (гл. ред.) [и др.]. Санкт-Петербург : Юридическая книга, 2009. № 2. С. 458–473.
14. Ross A. Le 25e anniversaire de la théorie pure du droit. Compte rendu de Hans Kelsen, Reine Rechtslehre (1934) = The 25th Anniversary of Pure Theory of Law / пер. с англ. А. Кинг, Л. Перепселл // Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. № 37. С. 9–33. <https://doi.org/10.4000/revus.2998>
15. Булыгин Е. В. Действительное право и право действующее // Избранные работы по теории и философии права / науч. ред. М. В. Антонов, Е. Н. Лисанюк, С. И. Максимов. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2016. С. 209–221.
16. Eng S. Lost in the System or Lost in Translation? The Exchanges between Hart and Ross // Ratio Juris. 2011. Vol. 24, № 2. P. 194–246. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2011.00482.x>
17. Guastini R. Les juges créent-ils du droit? Les idées de Alf Ross = Do Judges Create Law? The Ideas of Alf Ross // Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. № 37. С. 99–113. <https://doi.org/10.4000/revus.3027>

18. Савельева М. В. Интерпретационные стратегии разрешения коллизий правовых принципов // Право и политика. 2025. № 10. С. 99–112. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.10.76452>
19. Габрелян Э. В. Конституция и модернизация // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 48–50.
20. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.

References

1. Cvajgert K., Kyotc H. *Sravnitel'noe chastnoe pravo : v 2 t. / per. s nem. Yu. M. Yumasheva. Moskva : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2011. 726 s.*
2. Valcke C. *Comparing Legal Styles // International Journal of Law in Context. 2019. Vol. 15, № 3. P. 274–296. <https://doi.org/10.1017/S1744552319000284>*
3. Ross A. *On Law and Justice. Berkeley, Los Angeles : University of California, 1959. 383 p.*
4. Timoshina E. V. *Strategii sudebnogo tolkovaniya i kul'turnaya missiya yurisprudencii // Tolkovanie prava: klassika i postklassika : kollektivnaya monografiya / pod red. E. N. Tonkova, I. L. Chestnova. Sankt-Peterburg : Alatejya, 2024. S. 28–61.*
5. Antonov M. V. *Sovremennaya teoriya prava vo Francii: realistscheskij podhod k pravu v koncepcii Mishelya Tropera i spor o neorealizme v tolkovanii // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. 2011. № 4. S. 321–345.*
6. Timoshina E. V., Vasil'eva N. S. *Obshchaya teoriya sudebnogo metoda i stili sudebnoj interpretacii v pravovoj koncepcii A. Rossa // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2016. № 4 (56). S. 113–128.*
7. Slezhenkov V. V. *Teoreticheskaya model' sudebnogo pravotvorchestva v kontekste sovremennogo francuzskogo pravovogo realizma // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1 (22). S. 130–134.*
8. Tonkov E. N. *Yuridicheskaya germeneytika i prakticheskie podhody k tolkovaniyu prava // Yuridicheskaya germeneytika v XXI veke / pod obshch. red. E. N. Tonkova, Yu. Yu. Vetyutneva. Sankt-Peterburg : Aletejya, 2016. S. 11–39.*
9. Tonkov D. E. *Detskaya illyuziya pravovoj opredelennosti v psihologii prava Dzheroma Frenka // Istoriya gosudarstva i prava. 2021. № 3. S. 38–44. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-3-38-44>*
10. Karapetov A. G. *Bor'ba za priznanie sudebnogo pravotvorchestva v evropejskom i amerikanskom prave. Moskva, 2011. 308 s.*
11. Tonkov E. N., Tonkov D. E. *Pravovoj realizm : monografiya / E. N. Tonkov, D. E. Tonkov. Sankt-Peterburg : Aletejya, 2022. 464 s.*
12. Kraevskij A. A. *Chistoe uchenie o prave i sovremennyy juridicheskij pozitivizm // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2015. № 2. S. 88–125.*
13. Ross A. *Validnost' i konflikt mezhdu pravovym pozitivizmom i estestvennym pravom // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. / redkol.: A. V. Polyakov (gl. red.) [i dr.]. Sankt-Peterburg : Yuridicheskaya kniga, 2009. № 2. S. 458–473.*
14. Ross A. *Le 25e anniversaire de la th orie pure du droit. Compte rendu de Hans Kelsen, Reine Rechtslehre (1934) = The 25th Anniversary of Pure Theory of Law / per. s angl. A. King, J. Петерселл // Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. № 37. C. 9–33. <https://doi.org/10.4000/revus.2998>*
15. Bulygin E. V. *Dejstvitel'noe pravo i pravo dejstvuyushchee // Izbrannye raboty po teorii i filosofii prava / nauch. red. M. V. Antonov, E. N. Lisanyuk, S. I. Maksimov. Sankt-Peterburg : Alef-Press, 2016. S. 209–221.*
16. Eng S. *Lost in the System or Lost in Translation? The Exchanges between Hart and Ross // Ratio Juris. 2011. Vol. 24, № 2. P. 194–246. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2011.00482.x>*
17. Guastini R. *Les juges cr ent-ils du droit? Les id es de Alf Ross = Do Judges Create Law? The Ideas of Alf Ross // Revus. Journal for Constitutional Theory and Philosophy of Law. 2018. № 37. C. 99–113. <https://doi.org/10.4000/revus.3027>*
18. Savel'eva M. V. *Interpretacionnye strategii razresheniya kollizij pravovyh principov // Pravo i politika. 2025. № 10. S. 99–112. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.10.76452>*
19. Gabrelyan E. V. *Konstituciya i modernizaciya // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 4. S. 48–50.*
20. Zor'kin V. D. *Precedentnyj harakter reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. № 12. S. 3–9.*